

Александр КОРНЕЙЧУК

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

РАССКАЗ

Клим Берест уже в третий раз стучал в двери старосты. Ему долго не открывали. В хате было много гостей. Оттуда неслись пьяные песни. Берест постучал сильнее. Когда открыли двери, он быстро снял шапку и низко поклонился.

— Это ты, Клим?
— Я, пане Шур... Не откажите, люди ждут...

— Я бы со всей душой, но у меня господа офицеры. Смотри.

Шур немного открыл двери, и Клим увидел, что за столом офицер под смех гостей обнимал жену хозяйина. Староста не выдержал и крикнул:

— Эй, живко!
Никто не услышал. Шур выпел на седьмую хату и снова крикнул:

— Живко, чего же ты молчишь?
К нему повернулась пьяная Одарка и обиженно сказала:

— Не кричи, он же по-нашему не понимает...

Ответ Одарки совсем обил с толку Шура. Он сел около дверей на скамью и засопел. Снова Клим, кланяясь низко, стал просить пана-старосту, чтобы он не отказал в хлебе-соли, зашел хотя бы на минуту, потому что люди ждут и никто к чарке не коснулся. Все хотят поднять первую за здоровье пана-старосты и пожелать ему, чтобы Новый год прошел счастливо.

— Да я бы с радостью, но они ведь по-нашему не понимают, а Одарка моя пьяная. Вишь, снова сгреб ее усатый.

— Ничего, они же люди культурные. Пойдем, пан-староста.

— Конечно, в ем культура есть, есть... а, а, Одарка... Одарка... Чего же ты молчишь?

— А что я могу сказать, я ведь ихнему не знаю, — и Одарка залилась пьяным смехом.

— Тыфу на тебя, пойдем, Клим. Я ее завтра кулаком буду учить немецкому языку.

Итти пришлось недалеко. Сразу через деревянный мост — первая хата бывшего бригадира Береста. На мосту остановил их, маставив винтовку, Стецько. Но не успел он спросить, кто идет, как староста дал ему по уху, чтобы впредь узнавал начальство.

Стецько, потчесьваясь, стал извиняться. Старый Клим выругал полицейку Стецько, взял под руки Шура и через несколько минут ввел в свою хату. Долго и низко кланялись пану-старосте гости Клим.

— А где же живка твоя?
— Пошла к родичам в Зеньков. Так метет сегодня, дойдет ли.

— Дойдет, черти ее не возьмут. Вредная она у тебя. Коль не была бы твоей живкой, Клим, я бы ей шею скрутил.

— Меня же тогда не было в селе, а она дурная. Берите чарку, пане-староста.

— Дурная, — скривился Шур, — дурная, а лучшую мою корову за веревку и домой.

— И, и, когда это было! — отозвался дед Мехтод.

— А ты, дед, молчи. Думаешь, не знаю, как жеребца из моей конюшни выводил.

В хате наступила тишина. Шур ударил кулаком по столу.

— Кланяйтесь до земли, «пане-староста», а как на сбор меня вели...

Шур быстро опрокинул чарку и встал.

— Куда же вы, пане-староста?
— Надо итти, у меня в гостях господа-офицеры. А там Одарка моя одна с ними.

— Садитесь, пане-староста, выпьем за ваше здоровье.

Клим подтянул фитиль лампадки, Грицько Убийвол встал против Шура.

— Пейте, пане-староста, пейте...

Шур закрыл ладонью чарку.

— А где же люди, Клим? Ты же говорил, люди ждут, а тут Мехтод старый и Убийвол.

— Есть еще Петя, племянник мой.

С печи высунулся мальчик. В руках он держал шнур.

— Что это у тебя?
— Наушники.

— Это он сам мастерил, все ловит на печи.

— Незаконное действие. Тяни свое радио, тяни.

Клим помог Пете слезть на пол. Шур ударил по плечу Убийвола и, засмеявшись, крикнул:

— Помышь, Грицько, как ты за пятак разгребал рукой подкову?

— Помню.

— Вот жизнь была. Испортили бузверы. Сколько лет... Задушит всех их в Сибири, газами задушит...

— Кого это задушит? — спросил дед Мехтод.

— Красных. Сибирь одна для них осталась, но и там найдут. Гитлер завтра в Москву идет. — Шур поднял чарку. — Не хайль Гитлер.

— Не войдет, — спокойно сказал Убийвол. — Послушай радио. Дай, Петя, ему наушники.

— А что оно там говорит? — Шур одел наушники.

Клим тихо сказал:

— Идите, дед Мехтод, и ты, Петя. Да не забудьте.

Дед Мехтод и Петя вышли.

— Неужель, Москва! Нет, это они врут, с Сибири говорят, брешут.

Клим снял наушники с головы старо-

сты, осторожно отодвинул от него Петягино радио. Шур хотел встать, и вдруг увидел на столе большой нож, каким обычно колот кабанов.

Нож неизвестно откуда появился перед Убийволом. Клим добродушно наливал чарки, и это немного успокоило старосту. Превозмогая волю, он не сказал, а прохрипел, поднимая чарку:

— За 42-й год, чтобы было добре.

— И чтоб мечисть стинула, — добавил Мехтод.

— Аминь! — упали, как камень, слова Убийвола.

На мгновение где-то глубоко зашевелилась ненависть у Шура, поднялась к горлу, хотелось ударить по столу, крикнуть, но глаза, словно сами, смотрят на нож, и нет сил оторвать их от лезвия, на котором прыгают огоньки.

— Пейте, пане-староста, пейте, — склонив голову, промолвил Клим, — поздравляю вас с Новым годом, он принес нам счастье.

Шур встал, чокнулся и словно случайно потянулся к ножу. В эту минуту он почувствовал, как его руку стиснули железные лапы Убийвола.

— Осторожно, порежетеесь, пане-староста, — сказал Клим.

Шур вытер лоб, с которого катились каплями пот.

— Скажите, пане-староста, зачем нам, мужикам, надо на регистрацию являться?

— Немецкое командование приказало, откуда я знаю.

— Не знаешь? — снова спросил Клим.

— Не знаю.

— А где сейчас Красная Армия? Как думаешь?

— Староста повернулся к Убийволу.

— Откуда мне знать?

— Так я тебе скажу. Под Харьковом. От нас, выходит, 100 километров, рукой подать...

— Брехня! — крикнул злобно староста.

Клим снова налил чарки.

— Спрашивали ты, пане-староста, чего людей у меня в хате мало, так сей-

час я вам скажу. Все люди скоро сюда придут.

Он взял лампадку, поднес ее трижды к окну и потушил. В хате стало темно. На стене покали часы. В эту минуту все услышали сверчка, который заливался где-то за печью.

— Зачем ты потушил огонь? — прошептал староста.

— Сейчас будет видно, как днем, — сказал Убийвол, и захохотал.

Старосте хотелось встать, но почти над ухом он услышал голос Убийвола.

— Не двигайся, а то в момент лоб расшибешь.

— Эге, эге, — промолвил Клим, — сейчас рассветет, погоди.

Что-то блеснуло в окне и исчезло. Через минуту в окно ворвался свет. Над селом забушевал огонь. Где-то раздались выстрелы.

— Началось, — сказал Клим.

— И добре, — отозвался Убийвол.

Шур, как волк, прижался к углу. Казалось, его глаза не видели ничего, кроме ножа, что лежал на столе. Скоро послышался шум, и в хату стали входить люди. Все снимали шапки и, улыбаясь, обращались к старосте:

— С Новым годом, пане-староста.

Когда в хате стало так тесно, что лобу негде упасть, Убийвол встал.

— Товарищи граждане, поздравляю вас от Радянської влады с Новым годом, с новым счастьем. Немцы повсюду отступают. Недалеко сыны наши, прилетят сюда быстро. Так пойдемте же, матери и отцы, детей встречать, а погань эту...

Все повернулись к старосте. Он сидел, не шевелился. Не мигая, смотрели его глаза на стол. Клим подошел к нему.

— Вставайте, пане-староста, вставайте.

Шур прыгнул и мягко сполз на пол.

Люди подняли старосту и снова оступили. Как колода, упал он. Убийвол захохотал.

— Боятся силы нашей, волки, если от одного страху подыкают...